

О КАТЕГОРИИ "ПОДЛЕЖАЩЕЕ" В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Первая монгольская грамматика, созданная в 1305 году знаменитым Чойджи-Одзером, никаких сведений по синтаксису, к сожалению, не содержит. Но уже в монгольских грамматиках середины XIX века, в частности, в известной грамматике Ал.Бобровникова /1/ дано "блестящее для своего времени изложение синтаксиса монгольского языка" /2, с.3/. Последующие грамматики мало что добавили нового к уже имеющимся сведениям о подлежащем. В современном монголоведении "несмотря на довольно обширную литературу по грамматике монгольских языков, наименее изученным, продолжает оставаться раздел синтаксис" /3/. Так, практически не решен вопрос об определении подлежащего, хотя помимо трудов общего характера имеются специальные исследования, посвященные этому члену предложения /4, 5/. Это вполне понятно. Отсутствие разработанной теории членов предложения на материале монгольских языков в значительной степени затрудняет исследование данного вопроса. Немалое значение имеет и тот факт, что традиционный монгольский синтаксис ограничивался лишь синтаксическим членением предложения. Изучение же взаимоотношений подлежащего и других единиц /например, единиц актуального членения/ сыграло бы важную роль для определения статуса подлежащего в монгольском языке.

Как можно определить подлежащее? По этому вопросу существуют разные мнения. Американский лингвист Э.Кинэн предложил универсальное определение подлежащего: подлежащее – этой такой член предложения, который обладает наибольшим числом грамматических свойств и признаков из некоторого универсального набора /6/. Но исследователи конкретных языков приходят к выводу, что такой многофакторный подход к определению подлежащего не в состоянии выделить эту категорию в данном конкретном языке, например, в русском /7/. Какие признаки подлежащего находят исследователи

монгольских языков?

В монголистике традиционное определение подлежащего оперирует двумя формальными признаками: именительный падеж и показатели подлежащего. Авторы монгольских грамматик придерживались греко-римской традиции, выделяя именительный падеж. Но если в индоевропейских языках именительный падеж имеет свое окончание, то в монгольских языках падеж, именуемый именительным, не имеет грамматического маркера. И такая безаффиксальная именная форма может занимать не только позицию подлежащего, но и позицию других членов предложения /дополнения и т.п./. Это явление характерно и для некоторых других языков, например, тюркских.

В монголоведении уделялось достаточно внимания описанию значений и функций падежей, но очень мало написано работ теоретических по монгольскому склонению. Какой же падеж маркирует подлежащее? В тюркологии этот падеж называют неопределенным. В "Грамматике башкирского языка" говорится: "В научной литературе, начиная со времени Бетлинга и Радлова первый падеж склонения тюркских языков называется неопределенным. Это название оправдывается и с внешней и с внутренней стороны. С внешней – неопределенный падеж характеризуется тем, что он не определяется какими-либо аффиксами..., с внутренней стороны, или со стороны содержания, неопределенный падеж указывает на особую категорию неопределенности. Кроме категории неопределенности этот падеж обозначает подлежащее" /8/. В более поздних тюркологических работах чаще употребляется термин "основной" падеж.

Полифункциональность безаффиксальной именной формы позволила и некоторым монголоведам усомниться в целесообразности сохранения термина "именительный падеж" для монгольского языка. Так, З.К.Касьяненко в своей статье "Об именительном падеже в современном монгольском языке" пришла к выводу, что в рассматриваемом языке нет именительного падежа, а есть падеж, "функции которого значительно шире, чем функции любого другого падежа", в том числе именительного /9/. Иначе трактует этот вопрос Т.А.Бертагаев. Он выделяет "падеж основы", не имеющий определенно

выраженной функции, и нулевые именительный, винительный родительный и дательный падежи. Выступая против термина "неопределенный падеж", Т.А.Бертагаев категорично заявляет: "Нет никаких оснований в алтайских языках, в частности в монгольских, функции именительного падежа смешивать с функциями нулевых косвенных падежей... и устанавливать какую-то непроходимую грань, отделяющую его от именительного падежа русского языка" /10, с.51/. По мнению Т.А.Бертагаева, монгольский именительный падеж всегда и во всех случаях имеет нулевую форму выражения, которая является его сущностью, "поэтому он в наших языках не нуждается в параллельном или дублетном наименовании" /10, с.49/.

Хотя одни монголоведы пользуются термином "именительный падеж", а другие предпочитают термин тюркологов, но и тех и других объединяет то, что они признают форму, внешне совпадающую с основой, падежной. А ведь в монголоведении встречается и такая точка зрения: "Когда основу имени называют "именительным /или неопределенным/ падежом" и располагают в один ряд с "косвенными" падежами, сводят воедино разные несовместимые между собой срезы в состоянии имени. Короче говоря, основа имени есть основа и вовсе не нуждается в дополнительном наименовании" /11, с.40/.

Рассмотрим критически вышеизложенные точки зрения по рассматриваемому вопросу. З.К.Касьяненко совершенно верно отметила, что именительный падеж монгольских языков не может быть отождествлен с именительным падежом индоевропейских языков. В то же время трудно согласиться с термином "неопределенный падеж". Возникает вопрос: как разграничить многочисленные функции неопределенного падежа? Расклассифицировать случаи употребления безаффиксальной именной формы попытался проф. Т.А.Бертагаев. Падежом подлежащего является только именительный падеж. Случаи, когда неоформленное имя употребляется параллельно оформленному, Т.А.Бертагаев трактует как неоформленный /нулевой/ вариант соответствующего падежа. В остальных случаях неоформленное имя стоит в "падеже основы". На несостоятельность термина "падеж основы" совершенно справедливо указал Ц.Б.Цыдендамбаев /11, с.39/. Ведь если мы говорим, что имя стоит в каком-то падеже, то понимаем, что структура

этой словоформы следующая: основа+аффикс. То есть любой падеж обязательно маркирован. Отсутствие материально выраженного падежного аффикса – это тоже аффикс, только нулевой. Так что термин "падеж основы" в принципе невозможен. Тем не менее проф. Т.А.Бертагаев сумел уловить существенную разницу в употреблении неформленного имени и выделил по крайней мере три возможные позиции. Рассмотрим позицию прямого дополнения.

На протяжении всей истории монголистики предпринимались неоднократные попытки выявить определенные закономерности в употреблении неформленного прямого дополнения. "Часто частица винительного падежа может быть удержана и опущена по-произволу" – к такому выводу вынужден был прийти замечательный русский монголист прошлого столетия А.Бобровников /1, с 241/. Но последующие монголисты выделили группы слов, встречающихся только в маркированной формантом винительного падежа позиции прямого дополнения. К ним относятся личные имена, имена существительные во множественном числе и некоторые другие. По мнению Ц.Б.Цыдендамбаева, это является свидетельством сравнительно позднего их возникновения в языке. Но чем объяснить, что другие группы слов в функции прямого дополнения могут иметь двоякое употребление? Проф. Т.А.Бертагаев считает, что нулевой винительный падеж передает неподчеркнутую или ослабленную объектность, а оформленный – усиленную и выдвинутую на первый план объектность /10, с.48/. На синтаксическую функцию безаффиксальной формы указывает ее позиция в предложении, сама же эта форма нейтральна к передаче объектных отношений. Поэтому оппозиция аффиксальной/безаффиксальной именной формы заключается в чем-то другом. Как пишет Е.А.Кузьменков, причины отсутствия форманта винительного падежа не относятся "ни к характеристике позиции, ни к характеристике класса слов" /12, с.44/. В тюркологии было сделано предположение, что винительный падеж возник на определенном этапе языкового развития как падеж, имеющий функцию показателя определенности и одушевленности объекта /13/.

Е.М.Быкова пишет: "В любом языке действуют прежде всего правила. Но выявление их требует проникновения во все сферы языка, выявления взаимосвязей грамматических катего-

рий, взаимосвязей различных уровней языка" /14/. Помня, что основная функция языка – коммуникативная, зададимся вопросом: что хочет сказать говорящий употреблением той или иной формы? По видимому, оппозиция оформленного/неоформленного прямого дополнения действительно может коррелировать с определенностью/неопределенностью объекта, т.е. употребление аффикса винительного падежа семантически обусловлено. Отсутствие материально выраженного аффикса винительного падежа можно интерпретировать как нулевой аффикс, поскольку он выражает определенное грамматическое значение.

А что означает отсутствие падежного аффикса при именной основе в позиции подлежащего? По-видимому, более близок к истине Ц.Б.Цыдендамбаев, вынося безаффиксальную именную форму за пределы падежной парадигмы. Основная функция падежей – это выражение синтаксических отношений между словами. Непадежная форма в отличие от падежной нейтральна к обозначению синтаксических отношений. Поэтому условия немаркированности падежными аффиксами для определения подлежащего недостаточно. Следовательно, какие бы жаркие споры не велись вокруг проблемы именительного падежа, суть остается одна: морфологический критерий выделения подлежащего не может быть признан удовлетворительным.

В русском языкознании морфологический принцип классификации членов предложения был разработан А.А. Потебней. Вот что он пишет, в частности, об определении подлежащего: "Такое определение может быть удовлетворительным только в том случае, если оно будет вместе с тем определением частей речи, функции которых – быть подлежащим" /15/. Следует ли из этого то, что А.А.Потебня отождествляет синтаксические и морфологические категории? Именно так понимали концепцию Потебни многие лингвисты. Хотя акад. В.В.Виноградов указывал на ошибочность подобной трактовки: "Нет ничего вульгарнее и ошибочнее утверждения, будто бы А.А.Потебня свел учение о членах предложения к проблеме частей речи" /16/. Каково же действительное соотношение между этими категориями?

Акад. И.И.Мещанинов в своем известном труде "Члены

предложения и части речи" пишет: "В каждом языке наличное в нем членение предложения становится в теснейшую связь с проводимой классификацией по частям речи"/17/. В чем же проявляется эта связь? Так как член предложения есть функциональная единица, то должен быть носитель этой функции. Таким носителем является часть речи. В монгольском языке части речи традиционно выделялись на основе морфологических признаков. И только в последнее время ученые стали использовать синтаксическую функцию слов при их классификации. Так, в работе Е.А.Кузьменкова "Опыт дистрибутивной классификации лексем монгольского языка" /12/ слова с одинаковым набором синтаксических функций относятся к одному классу. Такая классификация слов монгольского языка позволяет проследить взаимодействие членов предложения и частей речи. В монгольских языках слова типа мод/он/, чулуу/н/ считались именами существительными, но они могли выполнять различные синтаксические функции, в частности занимать позицию как подлежащего, так и определения. Е.А.Кузьменков, исследуя эти синтаксические позиции этих слов, пришел к мнению, что следует говорить о двух лексемах: туйпуу "кирпич" и туйпуун "кирпичный". Процесс выделения прилагательных происходил, видимо, постепенно. Они выделились из имен существительных, когда последние стали регулярно встречаться в позиции определения. Причем в современном монгольском языке новые лексемы получили свое морфологическое оформление /-н/. Ср.: мод сайн ургав "дерево хорошо выросло" и модон аяга "деревянная чаша/".

Видимо, А.А.Потебня уловил именно диахронический аспект связи членов предложения и частей речи, но он не сумел увидеть различия между ними в синхронном плане. Акад. Виноградовым совершенно справедливо замечено, что "между частью речи и членом предложения есть связь и даже взаимодействие, но нет параллелизма"/18/. Так, имя существительное может выполнять не только функцию подлежащего, но и функцию дополнения и даже сказуемого. И, наоборот, имя существительное является лишь одной из форм выражения подлежащего, хотя и типичной, но отнюдь не единственной.

Таким образом, уже сама морфологическая характеристика подлежащего делает ее уязвимой. Как пишет В.Б.Касе-

вич, "морфология языков существенно различается, и даже в пределах одного языка один и тот же член предложения, в частности подлежащее, может иметь разные типы оформления" /19, с.92/.

Можно ли говорить о разнообразии падежного оформления подлежащего в монгольском языке? Этот вопрос широко дискутируется в монголистике. Большинство монголоведов стоят на традиционных позициях /подлежащее может быть оформлено только именительным падежом/. Другие монголоведы считают, что в качестве подлежащего может выступать имя в исходном, родительном и винительном падежах /2, 21/. Последние две падежные формы встречаются только в так называемых зависимых конструкциях /аналогах придаточных предложений/.

Итак, с одной стороны, монгольское подлежащее может быть маркировано косвенным падежом, с другой стороны, в монгольском языке немаркированным членом предложения может быть не только подлежащее. Поэтому делается следующая оговорка: подлежащим является не всякое неформальное имя, а только такое, которое позволяет присоединить к себе так называемые "показатели подлежащего". Об этом писал акад. И.И.Мещанинов: "В некоторых языках используется особый синтаксический прием для выделения служебными частицами одного из членов предложения, например, в языках монгольских и в бирманском подлежащее может обозначаться не морфологическими показателями, а специально закрепленными за ними послелогоми, с иным назначением не употребляемыми" /25 /.

К показателям подлежащего в современном монгольском языке относят лично-притяжательные частицы минь, маань, чинь, нь, усилительные частицы д, ч, отлагательные частицы гэдэг, бол, болохоор и т.д. Чем объяснить тот факт, что подлежащее в монгольском языке нуждается в своем выделении с помощью специальных частиц. По мнению проф. Г.Д. Санжеева, необходимость показателя подлежащего обусловлена тем, что, во-первых, в монгольском языке подлежащее формально не уподобляется со сказуемым и, во-вторых, именительный падеж, форма подлежащего, внешне совпадает с основой, в форме которой очень часто выступают прочие

именные члены предложения" /26 /. Действительно, в монгольском языке отсутствует согласование подлежащего и сказуемого. Но из этого не следует, что подлежащее нуждается в своем выделении с помощью специальных частиц. Во-первых, эти частицы не являются постоянным маркером позиции подлежащего. В каждом данном предложении они могут быть, как правило, легко опущены без изменения грамматических связей между словами. Функционирование постпозитивных частиц в роли показателей подлежащего вряд ли может быть объяснено и тем, что подлежащее в монгольском языке в ряде случаев формально не отличается от других членов предложения /например, дополнения/. Даже при омонимии форм подлежащего и дополнения "показатель подлежащего" может отсутствовать. В таком случае дифференцирует синтаксические роли порядок слов. Материал современного монгольского языка позволяет усомниться в существовании показателей подлежащего в данном языке. Прежде всего вызывает удивление количество "показателей подлежащего", к коим относят лично-притяжательные частицы минь, маань, нь, усилительные частицы ч, л, отглагольные частицы гэдэг, бол, болохоор и т.д. Усилительные частицы ч, л выделяют то или иное слово в составе предложения независимо от его синтаксической функции. Например: Хэцүүхэн ч цагт төржээ бид /Ц. 3, 75, 38/ - "В трудное же время мы родились".

Тэгэхдээ сэтгэлдээ тохирсон сайхан хүүхэн л олж суух хэрэгтэй /Ц., 1, 80, 15/ - "Надо жениться, найдя только девушку по душе, красивую".

Лично-притяжательные частицы указывают на принадлежность предмета определенному лицу. Например: Аяга минь үгүй байна /Ч.Л., Т.э., 166/ - "Нет моей чашки".

Но в ряде случаев эти частицы теряют свой смысловой оттенок. Например: Чулуу нь энэ байна /Ц.3, 73, 72/ - "Вот камень". Какова же функция частицы нь в этом предложении? Обычно считают, что это функция выделения подлежащего. Думается, что дело обстоит иначе. Частица нь скорее является формальным средством актуального членения предложения. Слово чулуу обозначает данное, т.е. уже существующее в сознании слушающего в момент произнесения предло-

жения. То есть предложение членится на определенные части с точки зрения коммуникативной нагрузки членов предложения. Такое членение предложения получило название актуального. Части предложения, получаемые в результате актуального членения, у разных исследователей называются по-разному: то, о чем сообщается, – это тема предложения /по другой терминологии – данное, субъект высказывания, исходный пункт высказывания и т.д./; то, что сообщается, – это рема предложения /по другой терминологии – новое, предикат высказывания, ядро сообщения и т.д./.

Следовательно, лично-притяжательные частицы – это темовыделители. А так как подлежащее и тема предложения часто совпадают, то постпозитивные частицы стали считать показателями подлежащего. Но "данным" может быть практически любой член предложения, например, дополнение: Би үүнийг чинь Навандугарыг ирэхээр хэлнэ /Ж.П., М.э., 273/ – "Я это скажу, когда придет Навандугар".

К показателям темы можно отнести и другие "показатели подлежащего": бол Эцсийн эцэст чоно бол аюул /Ц. 3, 72, 83/ – "В конце концов волк – это опасность". Надаас бол бур ч айхгүй /Ц. 3, 72, 117/ – "Меня совершенно не боится"; гэдэг Тогтвор гэдэг харьцангуй ойлголт /Ц. 6, 78, 32/ – "Устойчивость – это относительное понятие"; гэж Энэ Юндэн гэж сайн залуу шуу /Ц. 3, 72, 120/ – "Этот Юндэн – хороший парень"; болохоор Би болохоор түүнд нь талархахын оронд шууд эерж хөдөө явна гэсэн /Ц. 6, 78, 26/ – "Я вместо того, чтобы благодарить его, стал препираться и сказал: "Поеду в худон".

Некоторые лично-притяжательные частицы /например, чинь/, усилительно-выделительные частицы /например, ч/, а также частицы бол, болохоор и др. могут выполнять функцию союзов. Например: Хэрэв таныг хуухдээ эмнэлэгт хэвтуулэхгүй бол би цагдаа дуудна шуу /Ц. 3, 80, 9/ – "Если вы не положите своего ребенка в больницу, то я позову милицию".

На возможность образования союзов на базе усилительно-выделительных частиц и активность этого процесса в тюркских языках указывает Н.З.Гаджиева в своей работе "Основные пути развития синтаксической структуры тюркских

языков" /27/.

Частица нь может выступать в роли субстантиватора. Например: Энэ чимээнээр унтаж байсан нь сэржбүгд л уйлаан майлаан боллоо /Ц. 3, 75,45/ – "По этому звуку спавшие проснулись, начался плач и визг". Кроме того, эта частица служит показателем разносубъектности сложной конструкции. Например: Та нарыгаа дөрөвдүгээр анги төгстөл нь багшил-на /Ц. 3, 75, 69/ – "Буду преподавать, пока вы не кончите четвертый класс".

Изучение полифункциональности монгольских частиц в современном монгольском языке в сопоставлении со старописьменным языком является необходимым условием более адекватного описания монгольского синтаксиса и должно стать предметом отдельного исследования. Но уже сейчас можно отметить, что не всякое неформальное имя, позволяющее присоединить к себе "показатели подлежащего", обнаруживает природу подлежащего. Например: Гуравдахь өдөр нь районы сонинд нийтлүүлэх санаатай өгүүллэг бичиж гарав /УЗУ 4.1.84, с.4/ – "На третий день начал писать рассказ, намереваясь напечатать его в районной газете". Этот пример подтверждает то, что подлежащее, как и любую другую грамматическую категорию, нельзя выделять лишь на основе формальных признаков. Поэтому предложенные в монгольских грамматиках критерии выделения подлежащего оказываются несостоятельными.

Попытаемся дать функциональное определение подлежащего. Но для этого необходимо четко представлять себе, что такое синтаксическая функция. Это понятие плохо поддается определению. Обычно считают, что употребление определенной части речи в роли конкретного члена предложения и есть ее синтаксическая функция. Акад. Л.В.Щерба указывал, что "какое-то простецкое разрешение вопроса – простецкое, т.е. формалистическое разрешение вопроса – ничего не дает: что определение – это прилагательное, дополнение – существительное в косвенных падежах, а что обстоятельство – наречие. Ясно, какая цена этому. Ведь это тавтология. Абсолютно никакой познавательной цены это не имеет" /23, с.94/. И далее: "Априори ясно, что определение, дополнение и т.д.

есть термины синтаксического порядка, и здесь и надо искать" /28, с.97/.

Под синтаксической функцией мы вслед за В.Б.Касевичем /19, с.91/ понимаем отношение единицы к предложению. Следовательно, функциональный подход к определению категории "подлежащее" должен основываться на анализе синтаксических отношений.

В монгольских грамматиках подлежащее /вместе со сказуемым/ относится к главным членам предложения и противопоставляется второстепенным членам предложения. Традиционная градация членов предложения была вызвана подходом к синтаксису с позиций логики. Как указывал А.А.Холодович, "лингвистический смысл понятий "главный" и "второстепенный" никогда не был раскрыт" /29, с. 293/.

Таким образом, характеристика подлежащего как главного независимого члена предложения, определяемого с помощью вопросов, не выдерживает критики.

Проф. Т.А.Бертагаев предложил свою методику выделения членов предложения /28/. Первым критерием, на основе которого выделяются члены предложения, является способность последних принимать участие в организации предложения. Сегменты, обнаружившие положительный признак по данному критерию, являются конститутивными. Деление членов предложения на конститутивные и неконститутивные совпадает с традиционным делением на главные и второстепенные члены предложения.

Участие в организации начальной, ядерной структуры предложения и дает возможность Т.А.Бертагаеву противопоставить подлежащее и сказуемое прочим членам предложения. Выделяя подлежащее и сказуемое как конститутивные сегменты, Т.А.Бертагаев подчеркивает неодинаковую роль этих сегментов в формировании основной структуры предложения: подлежащее — это субконститутивный член. Вторым этапом в выделении членов предложения является, по мнению Т.А.Бертагаева, способность сегментов к свободному перемещению в предложении. По этому критерию неконститутивные сегменты подразделяются на предикативно-обратимые и предикативно-необратимые. Предикативно-обратимые, как и необратимые, члены морфологи-

чески делятся на подчлены "изменяемые" и "неизменяемые".

В традиционном монголоведении среди второстепенных членов предложения никакой иерархии практически не устанавливалось. Между тем среди этих членов существуют своего рода оппозиции. Т.А.Бертагаев разграничивает определения и дополнения, обстоятельства при помощи критерия предикативной обратимости.

Дополнение противопоставляется обстоятельству по способу подчинения господствующему слову. Дополнение – это управляемый /"изменяемый"/ член, обстоятельство – это примыкающий /"неизменяемый"/ член. Т.А.Бертагаев подходит к классификации второстепенных членов предложения чисто морфологически. Что значит "изменяемый" член? Только то, что в качестве него употребляются косвенные падежи имени. Соответственно "неизменяемым" подчленом могут быть только неизменяемые части речи.

Тип грамматической связи слов может и должен быть критерием выделения членов предложения, причем синтаксическим критерием, ибо исходным понятием для синтаксической структуры является понятие связи между ее элементами. Член предложения опознается не по форме слова как таковой, а по характеру этой формы/является ли она обусловленной другой формой и т.п./.

Какая же связь устанавливается между главными членами предложения в монгольском языке? Большинство монголоведов считают, что между подлежащим и сказуемым существует координационная связь. Такая связь лишена элемента зависимости. Координация – это сосуществование двух явлений неоднородного характера. Подлежащее и сказуемое подчиняют себе другие члены предложения, образуя группу подлежащего и группу сказуемого. Таким образом, традиционная монгольская грамматика указывает на двухвершинную природу предложения. Этот тезис был опровергнут проф. А.А.Холодовичем в его статье "К вопросу о доминанте предложения" /29, с.293–298/. По мнению автора статьи, между элементами структуры предложения существует только детерминационная /подчинительная/ связь. Доминирующий член – это "хозяин", зависимый член – это "слуга". А.А.Холодович выделяет три уровня в предложении: уровень абсолютного хозяина,

уровень хозяина-слуги и уровень абсолютного слуги. Какой же элемент структуры является абсолютной доминантой предложения в монгольском языке? Авторы "Грамматики бурятского языка" считают таковой подлежащее. Какие же доводы высказываются в защиту этого положения? Во-первых, подлежащее доминирует по своему значению, т.к. "обозначает название предмета, тогда как сказуемое лишь характеризует предмет, обозначая его действие, состояние или признак" /20, с.22/. Такой логический подход к разграничению главных членов предложения был характерен для представителей русского языкознания. В частности, Ф.Ф.Фортунатов писал: "...несамостоятельная по значению часть законченного словосочетания представляет собой сказуемое предложения, а самостоятельная по значению часть того же словосочетания является подлежащим предложения" /30/.

В чем же проявляется грамматическая оппозиция главных членов предложения в монгольских языках? По мнению авторов "Грамматики...", подлежащее — это грамматически независимый член предложения в отличие от сказуемого, которое согласуется с подлежащим в лице и числе. Факт согласования формы сказуемого с формой подлежащего в разных языках интерпретируется многими лингвистами как выражение "подчинения сказуемого подлежащему" /31/. Но, во-первых, сказуемое согласуется с подлежащим в бурятском и калмыцком языках. Как же быть с собственно монгольским языком, в котором нет такого согласования. Во-вторых, сам критерий морфологической маркированности вряд ли можно назвать универсальным. Как показывают факты того же монгольского языка, морфологическое оформление той или иной грамматической формы не является обязательным показателем ее зависимости.

Наконец, доминирование подлежащего подкрепляется, по мнению тех же авторов, еще и порядком слов: подлежащее предшествует сказуемому. Это положение так же лингвистически не доказуемо. В монгольских языках существует общее правило порядка слов: поясняемое, определяемое, или доминирующее, слово всегда стоит после поясняющего, определяющего, или зависимого. Проф. Т.А.Бертагаев считает исключением из этого правила главные члены предложения: поясняемое, подлежащее находится перед поясняющим, сказуемым /24/.

На самом деле никаких исключений здесь нет, неверным оказывается исходный тезис о доминировании подлежащего.

Совершенно иная точка зрения представлена в монголоведческих трудах последних лет: именно глагол-сказуемое является абсолютной доминантой предложения /32/. Следует заметить, что идея о синтаксическом сходстве подлежащего и дополнения была высказана в отечественном языкознании еще в прошлом столетии А. Дмитриевским /33/, а в монголоведении в 1934 г. проф. Г.Д.Санжеевым /2, с.8/.

Наиболее полно такая иерархия синтаксических связей отражена в грамматике Л.Теньера. Синтаксические единицы его грамматики эквивалентны членам предложения. Глаголу-сказуемому непосредственно подчиняются актанты /подлежащее, дополнение/ и сирконстанты /обстоятельства/, опосредованно подчиняются определения /подчиняясь актантам, сирконстантам, друг другу/.

Итак, какие лингвистические доводы можно привести в пользу доминирования сказуемого в монгольском языке? Прежде всего порядок слов. Хорошо известно, что сказуемое в этом языке всегда занимает последнее место в предложении. Порядок слов в монгольском предложении — фиксированный, лево-асимметричный, то есть определение предшествует определяемому. Следовательно, тот элемент структуры, который занимает крайнюю правую позицию в предложении, является его абсолютной доминантой и имеет в отличие от всех других элементов структуры свой собственный термин — сказуемое. Как можно определить подлежащее?

Известный монгольский языковед акад. Ш.Лувсанвандан /34/ попытался выявить подлежащее, исследуя монгольские предложения методом НС /непосредственно составляющих/. Анализ по НС, введенный американскими лингвистами, заключается в постепенном разложении данной конструкции на дихотомические пары путем сопоставления с более простыми конструкциями, принадлежащими к тому же типу. По мнению Ш.Лувсанвандана, исследование монгольских предложений методом НС имеет ряд преимуществ. Действительно, в отличие от других методов членения предложения анализ по НС дает информацию и о порядке слов в данном предложении. Но, как говорится, палка о двух концах. Принцип линейного членения в ряде случаев может нарушить существующие между эле-

ментами синтаксические связи. Так, в форме НС могут быть выделены не непосредственные части предложения, а словоформы, функциональная роль которых с синтаксической точки зрения вызывает сомнения. Акад. Ш.Лувсанвандан пришел к следующему выводу в отношении подлежащего: подлежащее служит знаком предметности. Это неизбежный вывод при анализе по НС, т.к. НС определяются в терминах грамматических классов. Например: *N /Новч/* – существительное, *V /Угъ /* – глагол.

Попытки монголоведов применить новейшие синтаксические концепции к монгольскому языку можно только приветствовать. Но "единая теория с единой терминологией на сегодняшний день еще не создана" /95/. Кроме того, вряд ли целесообразно отказываться от теории членов предложения. Ибо общим правилом для системы членов предложения, устанавливаемой в том или ином языке, является ее иерархичность. Теория НС этой иерархии не отражает.

Лингвистические исследования последних лет показали, что именно глагол-сказуемое во многом предопределяет структуру предложения. Следовательно, подлежащее можно определить только через связь со сказуемым и не иначе. А связь – это не что иное как реализованная валентность.

Подлежащее можно определить с помощью теньеровского понятия "актант". Актанты – это обязательные функциональные единицы. К актантам относятся подлежащее и дополнение. Тем не менее роль актантов в формировании основной структуры предложения не одинакова. Критерием дифференциации актантов является степень их необходимости. Именно этот признак и лежит в основе противопоставления подлежащего как I актанта прямому дополнению как II актанту и косвенному дополнению как III актанту. Есть глаголы, которые имеют только один актант /например, унтах "спать"/. В этом случае определение подлежащего трудностей не вызывает: единственный актант и есть подлежащее.

Перейдем к рассмотрению вопроса об отличии подлежащего от определения. В традиционной монгольской грамматике подлежащее противопоставляется определению как главный член предложения второстепенному. Такие разные члены предложения как определение, дополнение и обстоятельство

объединены в одну группу. В грамматике Теньера определения выделены в особый класс функциональных единиц, непосредственно не связанных со сказуемым. Подлежащее же — член оптимального окружения глагола.

Оппозиция подлежащего и обстоятельства отражена в терминах грамматики Теньера "актант" и "сирконстант". В настоящей статье эти два члена предложения противопоставляются как основной член предложения второстепенному /факультативному/. Ибо позиция обстоятельства отражает факультативные валентности глагола-сказуемого. Для разграничения подлежащего и обстоятельства мы можем использовать редукцию/опущение того или иного элемента предложения при условии, что предложение остается неизлигическим и грамматически правильным/.

Таким образом, мы определяем подлежащее как зависимый от сказуемого член предложения, занимающий немаркированную падежными аффиксами актантную позицию /за исключением факультативно используемого аффикса исходного падежа и аффиксов родительного, винительного падежей/. Выбор подлежащего во многом определяется глаголом. Если глагол каузативный, то подлежащим будет каузатор. Если глагол страдательного залога, то подлежащее — это объект. Если глагол переходный, то подлежащее — это субъект. Глагол-сказуемое определяет подлежащее и валентно, и семантически.

В дальнейшем необходимо специальное исследование грамматических свойств подлежащего /трансформационных потенций, семантических и коммуникативных свойств/. Это поможет преодолеть имеющиеся затруднения в идентификации подлежащего в различных синтаксических конструкциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобровников Ал. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
2. Санжеев Г.Д. Синтаксис монгольских языков. М., 1934.
3. Пурбеев Г.Ц. Об актуальности типологического изучения синтаксиса предложения монгольских языков. — ВЯ, 1984, № 4, с. 106.
4. Вандуй Э. *Өгүүлэгдэхүүний тухай*. УБ, 1958.
5. Рагчаа Б. Орчин цагийн монгол хэлний гишүүн өг уулбэрийн өгүүлэгдэхүүний хэл зүйн хэлбэрийн тухай асуудалд.

- В кн.: Эрдэм шинжилгээ заах аргын бичиг. УБ, 1969, § 1/6/, х. 21–32.
6. Кинэн Э.Л. К универсальному определению подлежащего. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI, с. 236–276.
 7. Козинский И.Ш. О категории “подлежащее” в русском языке. М., 1983.
 8. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1948, с. 62.
 9. Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке. – В кн.: Вопросы грамматики языков стран Азии. Л., 1964, с.7.
 10. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1968.
 11. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
 12. Кузьменков Е.А. Опыт дистрибутивной классификации лексем современного монгольского языка. – В кн.: Востоковедение 7. Серия востоковедческих наук. Вып. 23. Л., 1980.
 13. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 264.
 14. Быкова Е.М. Факультативность? – В кн.: Восточное языкознание. Факультативность. М., 1982, с. 19.
 15. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Воронеж, 1874, с.67.
 16. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. Изд-во МГУ, 1958, с. 352.
 17. Мешанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978, с. 199.
 18. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. – ВЯ, 1954, № 1, с. 321.
 19. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
 20. Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
 21. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968.
 22. Бертагаев Т.А. Субъект и подлежащее. – ВЯ, 1958, № 5.

23. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1, ЛГУ, 1958.
24. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном соведении. М., 1964, с. 66.
25. Мещанинов И.И. Структура предложения. М.-Л., 1968, с. 4-13.
26. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1960, с. 87.
27. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 327.
28. Бертагаев Т.А. О сегментации или о членении предложения. - В кн.: Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972, с. 95-96.
29. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
30. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т.1, М., 1956, с.183.
31. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с.52.
32. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
33. Дмитриевский А.А. Практические заметки о русском синтаксисе. - Филологические записки. 1877, вып. 1У, с. 22-28.
34. Лувсанвандан Ш. К вопросу о структуре предложения в современном монгольском языке. - В кн.: Хэл зохиол судлал. УБ, 1976, с. 3-33.
35. Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике. - Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, с. 32.

. УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ч.Л., Т.э.	- Ч.Лодойдамба. Түүвэр зохиол.
Ж.П., М.э.	- Ж.Пүрэв. Мянган захидал.
Ц.	- журнал "Цог", далее номер, год и страница.